

Избыточное предуведомление

«Под брусчаткой, пляж!» С такого лозунга контркультурной революции начинается предпоследний (ко времени второго издания на русском языке вот этой книги, которую вы сейчас держите в руках) роман великого американского затворника Томаса Рагглза Пинчона-младшего (р. 1937), автора восьми романов, горсти рассказов, нескольких статей и примерно такого же количества предисловий к чужим работам, включая музыкальные альбомы. Это, как легко заметить, не очень много для более чем полувековой писательской карьеры. Примерно столько же времени этот человек не появляется на публике и не дает интервью, а некоторые утверждают, что его вообще не существует. Однако это наверняка досужие разговоры. Под брусчаткой — пляж.

Пинчона считают одним из полудюжины поистине великих американских писателей современности, постмодернистом, «черным юмористом» (впрочем, это определение советской критики не прижилось), а для его романов придумывали разные определения, включая «истерический реализм» и «историографическая металитература». Кроме того, его иногда называют «предтечей киберпанка» (видимо, на основании того, что в студенчестве он в соавторстве с приятелем, будущим антиглобалистом и неолуддитом Киркпатриком Сейлом написал научно-фантастическую оперетту о мире, в котором правит «Ай-би-эм») и «сочинителем гипертекстов». Все эти ярлыки, впрочем, сами по себе не очень интересны. Интересно другое: этот человек, практически полностью устранившись от суеты светской жизни планеты, вызвал к жизни один

из самых прочных, умных и разнообразных литературных культов современности.

Трудно представить себе более американского писателя. Родился он перед Второй мировой войной в самом сердце Новой Англии — на острове Лонг-Айленд, это чуть правее Нью-Йорка, если посмотреть сверху. Его предок Уильям, английский колонист, богоборец и меховщик, не только основал немаленький город в Массачусетсе, но и написал первую книгу, запрещенную в Новом Свете. Сам Пинчон учился в Корнелле — одном из главных университетов Лиги плюща. Сначала изучал прикладную физику, потом служил на военном флоте, а затем вернулся в тот же университет, но уже на английскую филологию. Говорят, ходил на лекции к Набокову, хотя исследователи спорят об этом факте уже не один десяток лет. Никаких письменных свидетельств об этом не осталось, и знакомство двух великих писателей — такой же предмет для спекуляций, как большинство других фактов частной жизни Пинчона. Бесспорно одно: в студенческие годы (а они заняли практически все 1950-е) Пинчон действительно дружил как минимум с двумя яркими и магнетическими личностями — музыкантом Ричардом Фариньей и будущим экологом Дейвидом Шецлином. Оба написали немного: Фаринья — роман «Если очень долго падать, можно выбраться наверх» (1966, рус. пер. Фаины Гуревич), Шецлин — «ДеФорд» (1968) и «Хеклтус 3» (1969). Они не очень легки для «широкого читателя» и стали, что называется, «культовыми». Видимо, нелюбовь к упрощенным ответам на сложные вопросы (и тяга к раскрепощению пунктуации — примерно как в эпиграфе) прививалась самим учебным заведением.

Однако Пинчон пошел дальше своих друзей. Все остальное с ним происходило уже в 1960-х, и это десятилетие оставило четкий отпечаток на сознании писателя — даже если судить только по его книгам. Собственно, ни по чему иному судить не получится — по крайней мере, до тех пор, пока не вскроют архивы, и будем надеяться, что это произойдет еще не скоро (посмотрите, какие пляски на могиле другого затворника, Дж. Д. Сэлинджера, устроили нежно любящие его тру-

поеды). Вся биография Пинчона — в его книгах, где важно все, вплоть до мелочей, поэтому интересующихся мы, пожалуй, отошлем к ним. А те, кто робеет перед большим количеством букв (а также перед упомянутой выше раскрепощенной пунктуацией и богатой авторской лексикой), могут прочесть конспект в любой энциклопедии. Эту книгу они вряд ли возьмут в руки. То ли дело мы с вами — но нам же и объяснять ничего не нужно, правда?

В отличие от прежних текстов Пинчона, «Внутренний порок», который перевел на язык кино другой «культовый» мастер, Пол Томас Эндерсон (2014), — роман очень простой, что не отменяет его загадочности и энциклопедичности. Любители выстраивать книги в тематические серии считают, что он продолжает (или завершает) «калифорнийский цикл» романов Пинчона. Действительно, в нем есть нечто общее с паранойяльной атмосферой «Выкрикивается лот 49», а из «Винляндии» в эту книгу переселились даже некоторые персонажи. Однако гораздо важнее здесь другая — скрытая — параллель. Поистине вселенские романы американца Томаса Пинчона написаны все же об Америке, конкретнее — о том периоде ее истории в XX веке, когда мечта об идеальной жизни (некоторые еще называют ее «американской мечтой») казалась как никогда осуществима. Это даже не очень про «секс, наркотики и рок-н-ролл», которые, несомненно, в 1960-х помогли такую мечту приблизить. Это про стремление к трансцендентности, к некой высшей благодати, что свойственно человеку — как биологическому виду — вообще.

Но идеальный пляж в романах Пинчона был — и остается — скрыт под толстым слоем брусчатки, очень качественно уложенной обществом, политическим режимом, Системой. Парижские студенты, выламывавшие ее из мостовых в мае 1968-го, опытным путем доказали существование под ней слоя песка. Жителям Калифорнии — не обязательно хиппи и сёрферам — тоже удавалось творить такие оазисы идеального бытия. Хотя бы ненадолго, пусть и с применением искусственных расширителей сознания. А Система рано или поздно безжалостно топтала их «железной пятой» и подрывала

их радикальные движения изнутри, их вожди продавались власти буквально за понюшку «смешного табака», прилетали «черные вертолеты». Однако вера в идеальный пляж под брусчаткой только крепла.

Нам — особенно тем, кто жил в России во второй половине XX века, — эта книга должна быть особенно близка и понятна. Мы были свидетелями похожих процессов, и нам тоже казалось, что вот-вот перед нами распахнутся даль и ширь, горизонты отступят... Будущее сверкало так ярко, что впору было не снимать темные очки. Во «Внутреннем пороке» Томас Пинчон возвращает нас к этой мечте — и показывает, как она подавлялась снаружи и разъедалась изнутри. И да не смутят нас Лемурия, «переналадка мозгов» и inferнальные непотопляемые яхты. Знаете же, как говорят? Если вы помните 1960-е, значит вы в них не жили.

Переводчик благодарен первому редактору перевода этого романа Шаши Мартыновой, Владимиру Беленковичу, конкордансу *PynchonWiki* (за внимательность при чтении этой книги) и участникам списка рассылки *Pynchon List* (за дельные советы).

Максим Немцов,
переводчик этой книги

ВНУТРЕННИЙ ПОРОК

Под брусчаткой, пляж!

*Надпись на стене,
Париж, май 1968 г.*

Она пришла по переулку и поднялась к черному ходу, как некогда вечно бывало. Док не видел ее год с лишним. Ее никто не видел. Раньше обычно ходила в сандалиях, трусиках от ситцевого бикини в цветочек, линиялой футболке «Сельского Джо и Рыбы». Сегодня же вечером экипировалась как на плоскости носят, таких коротких волос у нее он не помнил, — в общем, некогда она клялась, что ни за что не будет так выглядеть.

— Шаста, ты это?

— Думает, у него галлюцинация.

— Наверно, просто новая упаковка.

Они стояли в свете уличного фонаря сквозь кухонное окно, на которое никогда не было особого смысла вешать занавески, и слушали топот прибоа от подножья. Бывали ночи с нужным ветром, когда прибой слышно по всему городку.

— Док, помочь надо.

— У меня теперь контора, знаешь? совсем как настоящий рабочий день, то и се.

— Я видела в телефонной книге, чуть не зашла. А потом решила — всем лучше, если будет выглядеть тайным свиданием.

Ладно, сегодня у нас никакой романтики. Облом. Но денжат все равно может принести.

— Кто-то глаз не спускает?

— Час по улицам на поверхности шлялась, чтоб неплохо смотрелось.

— Пива не? — Он сходил к холодильнику, из ящика, который держал внутри, вынул две банки, одну протянул Шасте.

— В общем, есть один парень, — говорила та.

Ну а как иначе, только чего тут кипятиться? Если б ему каждый клиент, начинавший с этого, давал по никелю, он бы уже на Хаваии переселился, бухал бы круглосуточно да врубался в волны Уаймиа — а еще лучше, нанял бы кого-нибудь другого врубаться за него...

— Господин прямолинейных убеждений, — хмыкнул он.

— Ладно тебе, Док. Женатик он.

— Что-то... про деньги.

Она откинула волосы, которые, вообще-то, никуда и не падали, и вздела бровь: *и что?*

Доку-то ништяк.

— А жена — она о тебе знает?

Шаста кивнула.

— Но она тоже кое с кем видится. Только тут все не как обычно — они вместе одну жуткую аферку крутят.

— Отвалить с мужниным состоянием, ну, я, кажется, слышал о таком — пару раз в Л.-А. бывало. И... чего именно ты от меня хочешь? — Он отыскал бумажный кулек, в котором принес домой ужин, и стал деловито притворяться, будто что-то на нем записывает: мундир линейной цыпы, макияж должен изображать, что его нет вовсе, или как там — ему светил прежний знакомый стояк, на какие Шаста рано или поздно всегда годилась. Будет ли когда-нибудь этому конец, подумал он. Конечно будет. Уже есть.

Они прошли в гостиную, и Док растянулся на кушетке, а Шаста осталась на ногах и как бы дрейфовала по всей комнате.

— Это... они хотят, чтоб и я туда влезла, — сказала она. — Думают, у меня к нему доступ, когда он уязвим — или уязвимее обычного.

— С голой жопой и спит.

— Я знала, ты поймешь.

— И ты, Шаста, по-прежнему стараешься прикинуть, правильно это будет или нет?

— Хуже. — Просверлила его тем взглядом, который он помнил прекрасно. Когда помнил то есть. — Сколько верности я ему должна.

— Надеюсь, ты не у меня хочешь узнать. Помимо обычного комплекта, каким люди обязаны тем, кого ебут на постоянной основе...

— Спасибо, Дорогая Эбби про то же самое говорила.

— Ништяк. Стало быть, эмоции в сторону — давай глядеть на деньги. Какую долю он за твое жилье платит?

— Целиком. — Лишь на секунду он уловил прежнюю дерзкую ухмылку с прищуром.

— Солидно?

— Для Хэнкок-Парка.

Док насвистел заглавные ноты битловской «Любовь за деньги не купить», забив на то, как Шаста на него посмотрела.

— И ты, конечно, за все даешь ему расписки.

— Гондон ты, если б я знала, что ты злишься до сих пор...

— Я? У меня профессиональный подход, только и всего. Сколько женушка и молчел тебе за это предлагают?

Шаста назвала сумму. Доку приходилось драпать по Пасадинской трассе наперегонки с прищпоренными «роллзами», набитыми возмущенными сбытчиками герыча, — сотня миль в час по туману, давай порули по грубо сработанным зигзагам, — приходилось гулять закоулками к востоку от реки Л.-А., а для обороны в карманах штанов лишь заемный гребень для афрошевелюр, входить в Окружной суд Лос-Анжелеса и выходить из него, владея небольшим состоянием в виде вьетнамской дури, а теперь уже едва ли не убедил себя, что с той безрассудной эпохой,

считай, покончено, — однако вот после такого ему опять стало как-то нервно в душе.

— Это... — тут бы осторожней, — тогда это не просто парочка «полароидов» порнухи. Шмаль в бардачок подкинуть — не 'от такое 'от...

В былые времена она неделями могла обходиться чем-нибудь не сложнее напученных губок. Теперь же вываливала на него такую тяжелую смесь лицевых ингредиентов, что прочесть их он вообще не мог. Видать, научилась в актерской школе.

— Не то, что ты думаешь, Док.

— Не переживай, думать я начну потом. Еще что?

— Толком не уверена, но, по-моему, они хотят его упрятать в какую-то дурку.

— В смысле — по закону? или типа похитить?

— Мне не рассказывают, Док, я просто приманка. — Подумать только, и такой печали у нее в голосе не звучало никогда. — Слышала, ты в городе с кем-то видишься?

Видишь ся. Ну-ну.

— О, ты про Пенни? миленькая цыпа с плоскости, по сути, ищет тайных оттягов хиппейской любви...

— И кроме того — что-то вроде младшего окружного прокурора в конторе у Эвела Янгера?

Док приподздумался.

— Считаешь, там кто-то может пресечь?

— Я далеко не ко всякому с этим могу прийти, Док.

— Ладно, поговорю с Пенни, посмотрим, что рассмотрим. Твоя счастливая парочка — у них имена с адресами есть?

Услышав фамилию господина постарше, он сказал:

— Это не тот ли Мики Волкманн, который вечно в газетах? Шишка в недвижимости?

— Док, об этом никому рассказывать нельзя.

— Глух и нем, работа такая. Телефончиками не желаешь поделиться?

Она пожала плечами, нахмурилась, продиктовала номер.

— Попробуй никогда по нему не звонить.

— Ништяк, а как мне с тобой связаться?

— Никак. Со старой квартиры я съехала, живу где придется, не спрашивай.

Он чуть не сказал: «У меня тут место есть», — хотя его на самом деле не было, — но уже заметил, как она озирает все, что здесь не изменилось: подлинная Доска для Дротики из Английского Паба на колесе от фургона, лампа с крыльца борделя — с пурпурной психоделической лампочкой, у которой нить накала вибрирует, — коллекция моделей лихих тачек, спаянных исключительно из банок от «Курза», пляжный волейбольный мяч с автографом Уилта Чемберлена, оставленным люминесцентным фетровым маркером «Дэй-Гло», картина по бархату, и прочее, и прочее, — с гримасой, надо признать, отвращения.

Он проводил ее вниз по склону до машины. Вечера среди недели здесь не слишком отличались от вечеров по выходным, и эта часть городка уже вся бурлила гуляками, питухами и сёрферами — они орали в переулках, торчки вышли на промысел хавчика, парни с плоскости выгуливали стюардесс, а плоскостные дамочки с чересчур приземленной дневной службой надеялись, что их за таковых примут. Выше по склону и за полем зрения поток машин по бульвару с трассы и на трассу издавал гармонично фразированные выхлопы, которые эхом летели к морю, где экипажи нефтеналивных танкеров, слыша их, могли бы решить, что это своими ночными делами занимается дикая природа экзотического побережья.

В последнем кармане тьмы, перед сияньем Набережного проезда, они помедлили — неизменный маневр пешеходов в этих местах, обычно он предваряет поцелуй или хотя бы цап за жопу. Но Шаста сказала:

— Дальше не ходи, уже могут присматривать.

- Позвони мне или как-нибудь.
- Ты меня, Док, никогда не подводил.
- Не волнуйся, я...
- Нет, я в смысле — по-настоящему.
- А-а... да подводил.
- Ты всегда был верен.

На пляже темно уже не первый час, много Док не курил, и мимо никто не проезжал — но не успела Шаста отвернуться, он бы поклялся, на лицо ее упал свет, оранжевый, будто сразу после заката, такой поймает лицо, повернутое к западу поглядеть на океан, — кого принесет оттуда последней волной дня, прибьет к безопасному берегу.

Машина у нее хотя бы та же — «кадиллак» с откидным тряпичным верхом, он у Шасты всегда был, «эльдорадо-биарриц» 59-го: его купили с рук на какой-то стоянке по Западной авеню, где они стоят близко к проезжей части, и запах того, что они там курят, сдувает прочь. Когда Шаста уехала, Док присел на лавочку на Эспланаде — за спиной в гору уходил долгий склон горящих окон — и стал смотреть на светящиеся цветы прибое и огни запоздалых машин, что чертили зигзаги по дальнему склону Палос-Вердес. Перебрал все, чего не спросил: к примеру, насколько она теперь зависит от гарантированного Волкманном уровня праздности и власти, насколько готова вернуться к стилю жизни бикини-с-футболкой и насколько не станет ни о чем жалеть. Менее всего спрашивабельным было: много ли страсти питает она к старине Мики? Док знал вероятный ответ: «Я его люблю», — что ж тут еще? С невысказанным примечанием, что в наши дни словцо слишком уж заезжено. Если претендуешь на хиповость — непременно всех «любишь», не говоря о прочих полезных применениях вроде завлечения людей в половые игрища, заниматься которыми при наличии выбора им, может, и не слишком бы захотелось.

Вернувшись к себе, Док постоял и сколько-то поглазел на бархатную картину одного мексиканского семейства — из тех, что по выходным ставят свои прилавки вдоль бульваров по всей зеленой равнине, где по-прежнему ездят на лошадях, между Гордитой и автотрассой. Из фургонов в рань спокойных утр являлись Распятая и Тайные Вечери шириной с диван, байкеры-изгои на детально прорисованных «харли», забияки-супергерои в прикидах спецслужб, с «М-16»-ми и тому подобным. У Дока на картине изображался южнокалифорнийский пляж, которого никогда не существовало: пальмы, девки в бикини, доски для сёрфинга, все дела. Док считал картину окном, в которое можно выглядывать, если не по силам смотреть в обычное стеклянное в другой комнате. В полумраке вид иногда вспыхивал — обычно, если Док курил шмаль, словно бы у Мироздания ручку контрастности сбили в аккурат до того, что все засветилось изнутри, до лучезарного края, и все стало обещать, что ночь вот-вот как-то обернется чем-то эпическим.

Но не сегодняшняя — эта скорее обещала работу. Док сел на телефон и попробовал дозвониться Пенни, но ее не было — наверное, ватусила ночь напролет нос к носу с каким-нибудь обскубанным адвокатом с многообещающей карьерой. Ну и фиг с ней. Затем позвонил своей тетке Рит, жившей дальше по бульвару, с той стороны дюн, — больше в предместье, где были домики, дворики и деревья, из-за которых район и назывался Древесным кварталом. Несколько лет назад, после развода со впавшим в грех лютеранином Миссурийского синода, владевшим автосалоном «тандербердов» и неизбывной тягой к шепутным домохозяйкам, каких обычно встречаешь в барах кегельбанов, Рит переехала сюда с детьми из Сан-Хоакина, занялась торговлей недвижимостью — и совсем немного погодя у нее уже было собственное агентство, которым она теперь рулила из бунгало на своем

бескрайнем пустыре, где у нее и дом стоял. Если Доку требовалось узнать что-нибудь касаясь мира недвижимости, он шел к тетке Рит — поучасточными данными землепользования от пустыни до моря, как выражались в вечерних новостях, она владела феноменально.

— Настанет день, — предрекала она, — и для этого будут компьютеры, в них только набей, чего ищешь, а еще лучше — просто скажи ему, как тому ЭАЛу в «2001, Космической одиссее»? — и он тебе тут же выдаст столько всего, сколько тебе и не надо, про любой участок в Лос-Анжелесской низменности вплоть до испанских землеотводов: водные угодья, закладные, ипотечная история, чего б душа ни пожелала, попомни мое слово, так и будет. — Пока же в подлинном не-научно-фантастическом мире оставалась лишь тетя-Ритова сверхъестественная чуйка на все, что касалось земли, на истории, которые редко возникали в актах или договорах, особенно брачных, на семейные распри многих поколений, большие и малые, на то, где как течет — или раньше текла — вода.

Она сняла трубку на шестом звонке. В глубине орал телевизор.

— Только быстро, Док, у меня сегодня прямой эфир и еще четверть тонны грима накладывать.

— Что ты мне можешь сказать про Мики Волкманна?

Если даже секунда набрать воздуху ей потребовалась, Док не заметил.

— Уэстсайдская мафия *хохдойчей*, крупнее не бывает, строительство, сбережения и займы, где-то в Альпах зарыты необлагаемые миллиарды, говоря строго — еврей, но хочет быть нациком, часто расходится вплоть до буйства, если кто-то забывает писать его фамилию с двумя «н». Чего он тебе?

Док вкратце изложил ей суть визита Шасты и ее рассказ о заговоре против состояния Волкманна.

— В недвижимости, — заметила Рит, — бог свидетель, нас мало таких, кто чужд нравственной двусмысленности. Но есть застройщики, рядом с которыми и Годзилла — боец за охрану окружающей среды, и тебе, Лэрри, туда лучше бы не соваться. Кто платит?

— Ну...

— На авось, значит? вот так удивил. Послушай, если Шаста не может тебе заплатить, вероятно, Мики ее кинул, а она валит на жену и жаждет мести.

— Возможно. Но вот, скажем, мне захочется потусоваться и потрындеть с этим Волкманном?

Это раздраженный вздох?

— Пробовать твой обычный подход я б не рекомендовала. Он ездит везде с десятком байкеров, главным образом — выпускники Арийского братства, они ему тылы прикрывают, все говнюки такие, что клейма ставить негде. Попытайся в кои-то веки записаться на прием.

— Минуточку, я общественные науки, конечно, много прогуливал, но... евреи и АБ? Разве там нет... какой-то, как ее... ненависти?

— В Мики главное что — он непредсказуемый. Последнее время все больше и больше. Кое-кто сказал бы — эксцентрик. Я же — что он обдолбан до полного охуения, ничего личного.

— А громилы эти его — они ему верность хранят, даже если побывали там, где могли дать какую-то присягу, а в ней, возможно, там и сям пунктики про антисемитизм?

— Приблизись к чуваку на десять кварталов — они тебе под машину бросятся. Не остановишься — гранату под колеса катнут. Хочешь с Мики поговорить, никакой спонтанности не надо, и ловчить даже не стоит. Подергай за ниточки.

— Ага, но Шасте я тоже гимора не хочу. А где, по-твоему, на него наткнуться можно, ну, типа случайно?

Пинчон Т.

П 32 Внутренний порок : роман / Томас Пинчон ; пер. с англ. М. Немцова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 512 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-22686-9

Томас Пинчон — наряду с Сэлинджером, «великий американский затворник», один из крупнейших писателей мировой литературы XX, а теперь и XXI века, после первых же публикаций единодушно признанный классиком уровня Набокова, Джойса и Борхеса. Герои Пинчона традиционно одержимы темами вселенского заговора и социальной паранойи, поиском тайных пружин истории. И кто бы мог подумать, что автор таких краеугольных камней постмодернизма, как «V.» и «Радуга тяготения», возьмется за детектив. Ну да Пинчон не был бы Пинчоном, если бы и здесь не изобрел свой собственный жанр — психоделический нуар. Его герой, частный детектив Док Спортелло, временами выплывая из дурманной дымки, наблюдает закат эпохи всеобщей любви и наступление века паранойи. А когда в его жизнь вдруг возвращается бывшая подруга по имени Шаста с историей о готовящемся похищении магната-застройщика Мики Волкманна, Док поневоле запутывается в хитрой паутине перекрестных интересов, неочевидных улик и ложных следов. И что такое вездесущий Золотой Клык — придуманная дантистами схема ухода от налогов, азиатский наркокартель или нечто куда более зловещее?..

В 2014 году Пол Томас Андерсон — один из главных визионеров современного кинематографа, постановщик таких картин, как «Ночи в стиле буги» и «Магнолия», «Нефть» и «Мастер», «Призрачная нить» и «Лакричная пицца», — бережно перенес «Внутренний порок» на большой экран; впервые в истории произведение Пинчона поддалось киноадаптации. В фильме, номинированном на два «Оскара», снимались Хоакин Феникс, Джош Бролин, Риз Уизерспун, Бенисио дель Торо, Джоанна Ньюсом и др.

Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТОМАС ПИНЧОН

ВНУТРЕННИЙ ПОРОК

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 07.09.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 31,36.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-31662-01-R